

Никита Богословский: Ко всему нужно относиться с иронией

Вел. Москва 2004 - 5 апр - с 1-2.

Продолжение.
Начало на 1-й странице

— Раз уж мы заговорили о стилях — как бы вы определили современный отечественный стиль женщины?

— Как годичное отставание от европейской моды. Мы сегодня там, где француженки были в прошлом году.

Если продолжить сравнение с Парижем (я его знаю лучше, чем Москву, потому что дома езжу на машине, а по Парижу хожу пешком), то французская публика одета как попало. Наша толпа в метро почти ничем не отличается от парижской. Примерно тот же стилистический разнобой, схожая манера одеваться и даже похожие по крою дамских костюмов и платьев. Это летом, конечно — зимой картина резко меняется. У нас полное преобладание темных тонов — черных, синих, бурых и серых цветов, невероятная угрюмость и мешковатость одеяний.

При всем том, я считаю, что в России гораздо больше красивых женщин, чем во Франции. Большинство француженок отнюдь не писаные красавицы. Они хороши другим. Тем, что в них с детских лет воспитывается их дальнейшее предназначение. Быть женой, любовницей, матерью. Воспитывается элегантность. Например, умение красиво ходить — о, тут они вистую забывают наших дам! Или — умение общаться. Причем у совершенно разных социальных слоев.

— Наверное, все это как раз и называется «хорошим воспитанием»...

— Совершенно верно... Умение никогда не повышать голос, сохранять собственное достоинство и чувство юмора. Вежливо и уважительно разговаривать с клер-

ФОТО АЛЕКСАНДРА КАРПУШКИНА

С президентом Владимиром Путиным

ком, с рабочим, со служанкой, с полицейским, с директором банка. Правда — меняя лексику. Но сам способ беседы — один и тот же. Любезный. Уважительный.

— Никита Владимирович, а что, по-вашему, надо делать женщине, чтобы стать неотразимой?

— Если честно, этому надо отдавать все свое свободное время — вместо того, чтобы, скажем, ходить на службу. Я понимаю, что мои слова звучат фантастикой: ведь миллионы наших женщин должны, по просту говоря, зарабатывать на жизнь; на их небогатых зарплатах — и дом, и дети, и даже мужья, которые часто получают меньше своих жен, да и то, что зарабатывают, не всегда доносят до дома — пропивают. Все-

таки, в идеале, женщины работать не должны — дом должен обеспечивать муж.

— А как вы ухаживали за своими дамами? То есть, как, по вашему мнению, следовало бы ухаживать современным мужчинам?

— Боюсь, мой пример мало кому подойдет. Я ухаживал весьма старомодно. Примерно так, как это описывается в романах XIX века. Цветы, долгие ожидания и вздохи, огорчения, если девушка опаздывает на условленную встречу. Такое ухаживание растягивалось порой на много месяцев, что, кстати, дамам как раз нравилось, ибо мои соперники действовали, в основном, нахрапом — что дамам нравилось тоже, но все-таки меньше.

— А теперь деликатный вопрос. Вы ведь женились на композиторе Алле Николаевне Сивашовой. И что — с Аллой Николаевной действовали всеми этими проверенными методами девятнадцатого века?

— Знакомы мы были давно, встречались в Союзе композиторов на многочисленных комиссиях и секциях. Однажды разговорились. Я почувствовал какую-то удивительную общность характеров. И вскоре я совершенно неожиданно предложил ей выйти за меня замуж. К этому времени я уже четыре года был вдовцом и было мне все это время одиноко и горько. Недолго поколебавшись, она согласилась. И теперь — тьфу-тьфу, чтобы не сглазить — мы живем в

С женой Аллой

полном мире и творческом согласии. Написали вдвоем даже одно сочинение.

— Существуют два легендарных Никиты Богословских. Один — композитор, другой — мастер блестящих розыгрышей...

— Вообще-то розыгрыши — дело сложное. Тут не обойдешься шуточкой типа «У вас вся спина белая». Это театр, большая, порой многоступенчатая драматургия. Как-то Валентин Николаевич Плучек на одном из моих юбилеев сказал, что мои розыгрыши — это «театр для себя». Я действительно делаю их для собственного удовольствия: денег мне за это никто не платит, скорее уж пострадавшие требуют компенсаций за моральный ущерб.

— Почему вы сейчас не пишете песен?

— Петь некому. Эстрадные звезды исполняют, понятное дело, свои собственные творения. А старая песня тихо скончалась. Я пишу опусы в стиле экспериментальной сатиры. Например, опус под названием «Приемный день у начальника». Там всего один певец — сам начальник. А все посетители — различные инструменты. Скажем, приходит туба и просит квартиру, а чтобы разжалобить начальника, берет с собою внуку — флейту-пикколо. Гобой (с восточными интонациями) пытается дать начальнику взятку. И так далее...

— А песни?

— С ними покончено.